Нюх на ложь

Истинная для главного ищейки

18+

Ева Ланская

Ева Ланская

Нюх и ложь.

«Автор»
2026

Ланская Е.

Нюх и ложь. / Е. Ланская — «Автор», 2026

Она варит яды, которые невозможно учуять. Он чует любую ложь.В портовом Нижнем Арвене умирают оборотни, и убийцу не выследить: отрава глушит запах. Глава Ночного сыска альфа Бран Гаррет узнаёт в ней формулу семьи Вейс и приходит за Агатой, дочерью каторжника, которого сам когда-то отправил на солеварни.Вместо тюрьмы суд назначает древнюю клятву поручительства: Агата помогает следствию, а Бран отвечает за неё головой. Её ледяная вежливость против его портовых шуточек, общая лаборатория и общая неприязнь. А потом на ключице Агаты проступает метка истинной пары, которая даёт альфе право забрать её в стаю.Агата прячет метку. И ещё одну тайну, о которой не солжёшь мужчине с таким нюхом.Содержит откровенные сцены. 18+

© Ланская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лавка на Солёной лестнице 6
Глава 2. Голова за голову 12
Глава 3. Седьмой шаг 19
Глава 4. Цветы от советника 27
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Ева Ланская
Нюх и ложь.

Нюх на ложь. Истинная для главного ищейки

Ева Ланская

Она варит яды, которые невозможно учуять. Он чует любую ложь.

В портовом Нижнем Арвене умирают оборотни, и убийцу не выследить: отрава глушит запах. Глава Ночного сыска альфа Бран Гаррет узнаёт в ней формулу семьи Вейс и приходит за Агатой, дочерью каторжника, которого сам когда-то отправил на солеварни.

Вместо тюрьмы суд назначает древнюю клятву поручительства: Агата помогает следствию, а Бран отвечает за неё головой. Её ледяная вежливость против его портовых шуточек, общая лаборатория и общая неприязнь. А потом на ключице Агаты проступает метка истинной пары, которая даёт альфе право забрать её в стаю.

Агата прячет метку. И ещё одну тайну, о которой не солжёшь мужчине с таким нюхом.

Содержит откровенные сцены. 18+

Глава 1. Лавка на Солёной лестнице

Дождь начался ещё до сумерек и к ночи разошёлся по-настоящему. Вода не просто лилась — она искала щели, продавливала черепицу, стучала по жестяному козырьку над дверью, будто просилась внутрь. Я зажгла вторую лампу и передвинула её ближе к прилавку, чтобы свет ложился на весы. Подкрутила фитиль. Пламя выровнялось, перестало коптить стекло.

Лавка пахла сушёной ромашкой, камфарой и старым воском. Ещё — мокрым камнем от стен, но это уже от дождя. На Солёной лестнице все дома тянули сырость по кирпичу, как фитиль тянет масло. Я привыкла. За шесть лет в этой лавке я научилась различать, где пахнет дождём, а где — плесенью, и знала, что плесень заводится в юго-восточном углу, за бочонком с гусиным жиром. Раз в месяц я протирала стену уксусом.

Раскрыла амбарную книгу, пересчитала банки с настойкой девясила. Четырнадцать. За прошлую неделю ушло три: две — госпоже Лемм, у которой внук кашлял так, что дрожали стёкла, и одну — портовому лекарю, рыжему нервному коротышке, который вечно спорил о цене, но всегда платил. Я сделала пометку в графе «расход» и уже потянулась за баночкой с сушёным тысячелистником, когда с улицы донёсся низкий мужской голос. Слов было не разобрать, только интонация — спокойная, с ленцой.

Я не стала подходить к окну. На Солёной лестнице редко случалось что-то, во что стоило бы вглядываться. Скрипнула половица под моим табуретом. Я перевернула страницу и достала из ящика чёрную клеёнчатую книжечку — ту, куда записывала всё подряд: расход трав, наблюдения за погодой, заметки о покупателях, рецепты, которые приходили в голову посреди ночи. Раскрыла на чистой странице. «Девясил — минус три. Заказать у Исы корень окопника. Проверить банки с гусиным жиром на предмет прогоркания». Почерк у меня был мелкий, ровный, без нажима — отец говорил, что я пишу как счетовод, а не как аптекарь. Мама смеялась и добавляла, что счетоводы хотя бы не переписывают рецепты по четыре раза.

Колокольчик над дверью звякнул, когда между порывами ветра выпала тишина.

Сначала — запах. Мокрый табачный лист, кожа, что-то звериное, тёплое, как нагретая шерсть. Потом — фигура. Дверь распахнулась, впустив ветер с пригоршней дождя, и он заслонил собой весь проём. С кожаной куртки текло. Капли скатывались по латунным пуговицам, собирались на обшлагах, падали на дощатый пол.

— Госпожа Вейс, — произнёс он. Голос оказался ниже, чем я ожидала, с хрипотцой, будто он недавно говорил на ветру. — Доброй ночи.

Я подняла голову. Он вытащил из кармана короткую трубку — грушевое дерево, обкуренное дочерна, — и сунул в зубы. Не зажёг. Просто держал, сжимая чубук в углу рта, и от этого его широкая физиономия стала ещё шире. Потом вынул трубку, постучал ею о каблук, выбивая налипший табак, и шагнул внутрь.

— Доброй ночи, — ответила я. — Если вы за настойкой от простуды, у меня закрыто. Но на пороге я бы не советовала стоять: сквозняк.

Он шагнул ещё на шаг. Половицы отозвались низким скрипом. Дверь за ним осталась приоткрытой — в щель потянуло холодом и дождём.

— Закройте, будьте любезны, — сказала я. — У меня травы отсыревают.

Он послушно толкнул дверь пяткой. Та захлопнулась с глухим стуком. Я проводила взглядом лужицу, которая тут же натекла с его сапог.

— Я не за настойкой, госпожа аптекарша.

Я знала, кто он. В Нижнем Арвене не было человека, который не знал бы Брана Гаррета. Глава Ночного сыска, альфа серых волков, тот, кто вынюхивает ложь по запаху, как ищейка — след. Я видела его раньше: на суде, в порту, один раз — у здания совета, когда он смеялся с двумя докерами, запрокинув голову. Теперь он стоял в моей лавке, огромный, медвежеватый,

в потёртой кожаной куртке с латунными пуговицами, одна из которых была чужой — меньше других и с другой гравировкой, — и от него пахло дождём и холодным табачным листом «Чёрный якорь». Я узнала сорт: резкий, с гвоздикой, его курили портовые грузчики.

— Чем обязана? — спросила я.

Он не ответил сразу. Прошёлся вдоль полок, не торопясь, заложив руки за спину. Сапоги оставляли мокрые следы на дощатом полу. Я следила за ним, не поворачивая головы, — боковым зрением.

— Хорошая у вас лавка, — сказал он. — Чисто. Всё по баночкам, по коробочкам, как у старой девы в приданом.

— Благодарю.

Он остановился у пристенного стола. Там, под стеклянным колпаком, висели латунные аптекарские весы с медными чашками. Отец купил их за три месяца до моего рождения — у старьёвщика на Рыбном рынке, ещё с клеймом какого-то аптекаря из Верхнего Арвена. Я помнила, как он протирал чашки замшей, пока мама кормила меня с ложки. Колпак я не снимала уже шесть лет — с тех пор, как отца отправили на солеварни.

— Отцовские весы? — спросил он.

— Да.

Он кивнул, будто ожидал именно этого. Перевёл взгляд на полку с готовыми снадобьями — микстуры от кашля, мази на гусином жире, капли для глаз. Пальцем не трогал, но взглядом перебирал, как перебирают товар на прилавке.

— А это что? Женьшень?

— Девясил. Женьшень — на верхней полке, в синей банке.

— Девясил, — повторил он, пробуя слово на вкус. — И от чего он?

— От кашля.

— От кашля, — он хмыкнул. — Полезная штука. У меня в стае один парень кашляет так, что стены трясутся. Может, и ему взять?

— Если кашель сухой — да. Если влажный — лучше грудной сбор.

Он покосился на меня с интересом.

— А вы дотошная.

— Это моя работа.

Он прошёл дальше. Дошёл до маминой жестяной коробочки на краю прилавка — выцветшая надпись «Пастилки Луизы Ферн, Верхний Арвен» едва читалась под слоем облупившейся краски.

— А это?

— Имбирь в сахаре. Семейный рецепт.

— Можно?

— Угощайтесь.

Он взял кусочек, подбросил на ладони, отправил в рот. Прожевал. Брови поползли вверх.

— Острый, — сказал он. — Хорош. Прямо в жабры бьёт.

— Мама добавляла перец.

— Не боитесь, что гость поперхнётся?

— Вы не похожи на человека, который может поперхнуться имбирём.

Он рассмеялся — негромко, но так, что склянки на полке отозвались тихим звоном. Я машинально взяла кусочек имбиря из коробочки и положила в рот. Сахар хрустнул на зубах, имбирь обжёг язык. Я всегда ела имбирь, когда нужно было успокоиться. Мама говорила, что он прочищает голову. Сейчас мне это было нужно.

Бран подошёл к прилавку и положил на него сложенный лист бумаги.

— Ордер, — сказал он. — На обыск и задержание. Статья двести двенадцатая Хартии: «Причинение вреда подданным посредством запрещённых составов». Мера пресечения — задержание до выяснения. Подписано судьёй Минц, если вам интересно.

Я не взяла лист. Пусть лежит. Достала из-под прилавка тонкие лайковые перчатки — я всегда надевала их, когда работала с ядами или когда ждала неприятностей. Натянула на пальцы, расправила манжеты. Кожа была мягкой, почти невесомой, но руки в ней чувствовали себя спокойнее.

— Задержание, — повторила я. — По какому обвинению?

— Пока ни по какому. Подозрение в причастности к отравлениям. Третий оборотень умер сегодня ночью.

Он всё ещё улыбался. Голос его звучал дружелюбно, почти тепло.

— Сочувствую, — сказала я. — Но чем здесь поможет моя лавка?

Пальцы его легли на край прилавка. Медленно, будто пробовали дерево на крепость.

— Яд, которым отравили всех троих, варили по формуле семьи Вейс. А формула эта, госпожа аптекарша, хороша тем, что напрочь глушит запах. Наш сыск берёт след по запаху, вы же знаете. А тут — глухо. Как в бочке с дёгтем. Три тела, и ни одной зацепки для носа. — Он покачал головой. — Первый — старый Ярл Окри, держал аренду на пакгауз у Восточного пирса. Второй — Лисса Март, молодая волчица, гоняла баржи на Близнецах. Третий — докер Орви Сток, сегодня ночью, прямо в порту, у всех на глазах. Трое за две недели. Стая рычит, госпожа аптекарша. Ещё немного — и начнут искать виноватых в человеческом квартале.

Я смотрела на его руки — широкие ладони, короткие пальцы, мозоли на костяшках. Руки человека, который привык работать кулаками, а не бумагами.

— Вот я и подумал: кто у нас в городе понимает в ядах без запаха? — Он наклонился чуть вперёд. — И пришёл к вам. Прямиком, как чайка на требуху.

Дождь ударил в ставни. Я выдержала паузу, досчитав до трёх.

— Хотите чаю? — спросила я.

Он замолчал на секунду. Потом снова рассмеялся — теперь громче, от души.

— Чай, — повторил он. — Мне только что сказали, что моей формулой травят оборотней, а она предлагает чай.

— Вы пришли с ордером. Ордер — не меч. Обыск можно проводить и за чаем.

Он наклонился вперёд. Запах табачного листа стал отчётливее: гвоздика, дымная горечь, что-то ещё — кажется, анис.

— А вы не промах, госпожа аптекарша.

— Полагаю, это входит в стоимость чая, — сказала я.

Он улыбнулся шире.

— Я слыхал, что вы вежливая. Но не думал, что настолько. В порту говорили — дочка Вейса холодная, как рыбий глаз. А вы мне чай предлагаете.

— В порту много чего говорят.

— Верно. — Он постучал пальцем по ордеру. — Ладно. Давайте ваш чай. А заодно и поговорим.

Я поднялась. Медленно, не отрывая от него взгляда, подцепила дужку очков двумя пальцами и сняла их. Серебряная цепочка скользнула по шее — мамина цепочка, та, на которой раньше висел ключ от кассы, пока я не приспособила её под очки. Ключ теперь лежал в шкатулке, а цепочка осталась при мне. Я положила очки на прилавок. Мир поплыл: его лицо стало мутным пятном над тёмным силуэтом.

— Вы всегда снимаете очки, когда не хотите видеть собеседника? — спросил он.

— Только когда собеседник мне неприятен.

Он хмыкнул.

— Честно. Это я ценю. Море всё на берег выносит, госпожа аптекарша. Рано или поздно.

Я прошла за прилавок, к маленькой жаровне в углу. Чайник был ещё тёплым. Достала две чашки, жестяную банку с заваркой, бросила по щепотке. Вода залилась в чашки с тихим шипением. Движения были спокойными, размеренными. Руки не дрожали. Это было главное.

— Садитесь, — сказала я, кивнув на табурет у прилавка. — Скажите, что именно вы ищете.

Он сел. Табурет под ним скрипнул жалобно.

— Сначала — вопросы. Потом — обыск. Вы ведь не против?

— Смотря какие вопросы.

Я поставила чашку перед ним. Он взял её, обхватил ладонями, не пил. Трубку сунул обратно в карман.

— Начнём с простого. Где вы были сегодня между закатом и полуночью?

— Здесь.

— Одна?

— Да.

— Кто-нибудь может подтвердить?

Я замерла на секунду. Приказчик ушёл в восемь. Соседка за стеной — глуховатая вдова гончара — в такую погоду спит как убитая. Дождь. Только дождь.

— Нет, — сказала я. — Вряд ли.

Он отпил чай, не сводя с меня взгляда. Я не видела глаз, но чувствовала — смотрит.

— Вы понимаете, как это звучит?

— Понимаю. Но это правда.

— А формула Вейсов? Кто её знал?

Я взяла свой чай. Сделала глоток. Горячо. Хорошо.

— Это семейная формула. Мой отец разработал её за годы до ареста. Я помогала с записями. Больше — никто.

— Никто, — повторил он. — Совсем никто?

Я смотрела в чашку. Тёмная жидкость отражала свет лампы.

— Формулу никто, кроме семьи, не видел.

Жар поднялся по шее. Я почувствовала, как кожа на щеках наливается теплом.

— Ну-ну, — тихо сказал он.

И замолчал.

Я держала чашку обеими руками. Смотрела в сторону полок, где стояли банки с сушёным тысячелистником и корнем валерианы. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Ровно семь банок с тысячелистником. Я пересчитала их одними губами, без звука.

Тишина в лавке стала густой, как застывающий в плошке пчелиный воск.

— Вот тут вы соврали, — произнёс он.

Я не ответила.

— Все ваши ответы пахнут правдой. Кроме этого.

Он поднялся. Табурет отъехал с коротким скрипом. Я услышала, как он обходит прилавок — медленно, не приближаясь вплотную. Остановился у меня за спиной. Я смотрела прямо перед собой.

— Вы соврали, госпожа аптекарша. И даже не попытались скрыть.

Я сжала зубы. Воздух в лавке стал густым от его близости. Он не касался меня, но я чувствовала тепло, будто у спины горел очаг.

— Вы ошибаетесь, — сказала я ровно.

— Я не ошибаюсь. Нюх на ложь — это моя работа. — Он обошёл меня и снова встал напротив. Теперь я видела его смутно, но видела: широкий разворот плеч, лохматую бороду, светлые глаза. Он улыбался. Широко, щедро, как человек, которому только что сообщили хоро-

шую новость. — От вас сейчас пахнет кислым, госпожа аптекарша. Как от прокисшего пива. Это запах лжи. Я его ни с чем не спутаю.

Я молчала.

— Скажите ещё раз, — предложил он. — Может, на этот раз выйдет. Может, я ошибся.

Я подняла подбородок.

— Будьте любезны, приступите к обыску. Или покажите, что в ордере написано про допрос.

Он усмехнулся. На этот раз — без смеха, коротко и оценивающе.

— А вы мне нравитесь, — сказал он. — Честное слово. Стоит тут, прямая как мачта, и торгуется.

— Я не торгуюсь. Я прошу соблюдать процедуру.

Он перестал улыбаться. Лицо его сделалось серьёзным, но усмешка не ушла — затаилась в уголках губ, как осадок на дне склянки, который видно, только если встряхнуть.

— Процедура простая, — сказал он. — Вы едете со мной. Лавку обыщут без вас. Или при вас — как пожелаете.

— А если я не пожелаю ехать?

— Тогда я надену браслеты и повезу силой. Мне бы не хотелось.

Я смотрела ему в лицо. Без очков черты расплывались, но я всё равно видела главное: он не блефовал.

Внутри всё сжалось.

— Скажи ему про формулу.

— Поздно. Он учуял ложь. Теперь только держать лицо.

Я подавила их усилием воли, как всегда. Никто снаружи не должен слышать этих голосов.

Бран сунул руку в карман и вытащил арестантский браслет — тонкую серебряную цепочку с замком, какие надевают на запястье магически одарённым, чтобы глушить их способности. Браслет качнулся в его пальцах, поймав свет лампы.

— Дайте мне руку, госпожа аптекарша.

Я не двинулась.

— Это обязательно? — спросила я.

— Обязательно. Вы алхимик с доступом к ядам, а я хоть и волк, но не бессмертный.

Я медленно протянула левую руку. Он взял её — осторожно, почти бережно. Пальцы у него были горячими, как нагретый камень. Я почувствовала мозоли на его ладони, когда он обхватил моё запястье.

Замок щёлкнул.

Браслет сел плотно, но не туго. Серебро холодило кожу. Я ощутила, как по телу расходится слабая волна магического подавления — будто кто-то накрыл меня мокрым одеялом. Чары, вплетённые в металл, отрезали доступ к резерву. Теперь я не могла бы зажечь и простейшего алхимического огня.

Бран отступил на шаг и посмотрел на меня.

— Вот и всё, — сказал он. — Теперь поедем.

Я надела очки. Цепочка качнулась, мазнула по шее холодком. Мир вернул чёткость: его лицо, мокрое от дождя, рыжеватая борода, глаза цвета воды у пирса, нос, перебитый дважды и смотрящий чуть вправо. Левого уха не хватало — мочка была откушена, и шрам на хряще белел старой кожей. Он смотрел на меня с интересом, без злорадства.

Я закрыла мамину жестянку, сунула в карман плаща. Стянула лайковые перчатки, сложила их на край прилавка. Потом обошла лавку и погасила обе лампы — сначала ту, что над прилавком, потом ту, что у стола с весами. В темноте запахло горелым фитилём.

— Снаружи ждут мои люди, — сказал Бран. — Они проведут обыск. Аккуратно, не сомневайтесь. Всё опишут.

Я кивнула. Сняла с крючка у двери связку ключей, заперла замок сама. Проверила, хорошо ли сидит задвижка. Дождь сек по козырьку, ветер рвал капюшон моего плаща.

На крыльце стояли двое — молодые волки в таких же кожаных куртках, что и у Брана. Один держал фонарь, другой — планшет с бумагой. Оба посторонились, пропуская меня.

Бран шагнул в дождь первым, не оглядываясь. Я пошла следом. Браслет тихо звякнул на запястье. Ветер бросил в лицо пригоршню дождя.

— Знаете, госпожа аптекарша, — сказал он, не оборачиваясь, — из всего, что вы мне сегодня сказали, чай был самой приятной частью.

Я ничего не ответила. Дождь стучал по козырьку, как в начале вечера, но теперь этот звук казался мне другим — глуше, тяжелее. Почти как шаги за спиной.

Глава 2. Голова за голову

Стук костяшек был сухой и ровный, как дождь по жести. Тейн Ольх сидел на краю скамьи у стены пакгауза и гонял счёты слева направо, не глядя. Я узнал бы этот звук из сотни.

Я стоял у стола пристава, грел руки о кружку с пойлом, которое здесь называли чаем, и ждал, когда введут госпожу аптекаршу. Пойло пахло жжёной рожью и кислой заваркой. Не ложью, просто дрянью.

Суд Равных Улиц помещался в бывшем шерстяном складе у Таможенной площади. Южная стена до сих пор пахла овчиной, если прижаться к кладке носом. Скамьи для публики в понедельник в восемь утра пустовали, лампы дрожали на сквозняке, а над судейским столом висела старая карта города, ещё до Хартии. Портовые кварталы на ней закрасили синим, краска облупилась, и Нижний Арвен казался покрытым чешуёй.

— Чего считаешь? — спросил я, не оборачиваясь.

— Убытки, — ответил Тейн.

— Чьи?

— Твои. Если судья Минц решит, что ты зря притащил единственного алхимика, способного разобрать этот яд.

— Судья Минц меня любит.

— Судья Минц однажды влепила тебе двадцать плетей за мешок гвоздей.

— Поэтому и любит. Я был самый честный воришка в порту: признался сразу.

Тейн поднял глаза. Светло-карие, внимательные, с вечной прищуркой человека, который ищет ошибку в столбце цифр.

— Ты не меняешься.

— А зачем? Мне и так хорошо.

Отец Тейна служил счетоводом при портовых складах, и счёты эти помнили времена, когда зерно мерили мешками, а не векселями. Тейн был мой бета, мой казначей, моя тень и единственный оборотень в Нижнем Арвене, который умел молчать дольше меня.

Сегодня он молчал как-то по-особому. Достал из-за пазухи тетрадку в клеёнчатой обложке, чиркнул карандашом и захлопнул. Я успел заметить только столбцы: имена наших волков, суммы, даты.

— Что за книга?

— Журнал расходов.

— Ты ведёшь расходы посреди суда?

— Я веду их всегда.

— Дай глянуть.

— Не дам.

— Я альфа.

— А это бухгалтерия, — сказал Тейн, пряча тетрадь. — Тут альф нет.

Я собирался взять своё по праву старшего, но дверь отворилась, и вошла Аурелия Минц.

Ей было семьдесят четыре. Время её не состарило, а высушило, слой за слоем, пока не остались жилы да кости. Маленькая, прямая, как трость, в чёрной мантии с потёртым меховым воротом. Седина под судейской шапочкой, выцветшие голубые глаза с прищуром торговки, которую ничем не удивишь.

— Гаррет, — сказала она. — Опять вы.

— Доброе утро, ваша честь. — Я улыбнулся во весь рот. — Вы сегодня краше зари над Восточным пирсом.

— Угу. Всё такой же льстец. Помню, как вы мне в тринадцать лет сказали, что моя табакерка — самое красивое, что вы видели в жизни.

— Так и было. — Я покосился на серебряную табакерку с якорем и весами, которую она как раз достала. — И сейчас хороша.

— Табакерка — да. А вы — нет.

— Ваша честь, вы разбиваете мне сердце.

— У вас нет сердца, Гаррет. У вас насос для портовой воды. — Она втянула понюшку, поморщилась, чихнула. Пальцы у неё были в табачной пыли, с выпуклыми венами. — Где задержанная?

— Сейчас введут.

Дверь отворилась снова, но вошёл не пристав, а Северин Корх.

Он двигался мягко, как кот по карнизу. Сюртук цвета мокрого асфальта, дорогое сукно, белоснежный платок. Волосок к волоску, лицо гладкое, ясные голубые глаза, как на плакатах у портовой управы: «Хартия Равных Улиц — залог процветания». Я такие лица не люблю. Слишком чистые, как вымытая тарелка.

Я вдохнул и не учуял ничего.

Ни одеколона, ни пота, ни чернил. У советников пахнет сургучом, старым сукном и бумажной пылью. От этого не пахло никак, будто в зал вошла дыра в воздухе.

Амулет, подумал я. Верхний город любит такие штуки, от сглаза и от наших носов. Дорого, но он потянет.

— Господин Гаррет, — сказал он бархатным голосом. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Советник. Ты чего в такую рань? Твоя братия раньше полудня из перин не вылезает.

— Дело семьи Вейс мне не чуждо. Я узнал о задержании Агаты и счёл долгом присутствовать.

— А ты не опоздал? Задержание было ночью.

— Мне сообщили только час назад.

— И ты сразу примчался. Благородно. — Я осклабился. — У нас говорят: советник в суде что чайка над баржей, шуму много, а рыбы не прибавится.

Улыбка его стала суше на волосок. Никто бы не заметил. Я заметил.

Ввели госпожу Вейс.

Двое моих волков провели её через боковую дверь. Она шла сама, держа спину как кочергу, и на запястье позвякивал браслет-подавитель. Тот же строгий пучок, те же очки на серебряной цепочке. Под глазами тени, а лицо ровное, как вода в бочке.

Увидела меня, и подбородок поднялся на полпальца. Я оценил.

Потом увидела Корха.

Остановилась на полушаге. Сняла очки, убрала в карман плаща, цепочка мазнула по щеке серебряной искрой. И посмотрела на него мимо лица, в мутное пятно, которое теперь было на его месте.

— Гата, — сказал Корх и шагнул к ней. — Милая. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Меня зовут Агата, советник Корх. Будьте любезны, запомните.

— Мы же договорились: Северин. Или Север, как раньше.

— Мы давно не виделись. С тех пор многое изменилось.

Улыбка его не дрогнула. Он только повернул на пальце перстень с дубовым листом, будто тот жал.

Пристав усадил её на скамью для задержанных. Она оправила юбку и сложила руки на коленях. Корх остался у окна.

— Докладывайте, — велела судья.

Я изложил дело как учили в порту: коротко, по пунктам, не привирая. Три трупа за две недели. Ярл Окри, старик, держал аренду пакгауза у Восточного пирса. Лисса Март, молодая волчица, гоняла баржи на Близнецах. Орви Сток, докер, двоюродный брат Яроша Корня из

моей стаи, умер вчера ночью. Все трое оборотни, все от яда, который глушит запах так, что сыск не берёт след.

— Яд сварен по формуле семьи Вейс, — сказал я. — Я проверил круг: Ансельм на солеварнях, дочь торгует снадобьями на Солёной лестнице. Больше некому.

— И вы решили, что дочь травит оборотней?

— Я решил, что дочь знает, кто травит. И молчит.

— Молчит или вы не спрашивали?

— Спрашивал. Она солгала.

Судья подняла бровь.

— Вы уверены?

Я посмотрел на задержанную. Она сидела прямо, но правая рука нырнула в карман плаща, туда, где в лавке исчезла жестяная коробочка с имбирём. Достала не коробочку, только коснулась края, и всё.

— Я чую ложь, ваша честь. Вы знаете.

— Знаю. — Судья вздохнула. — Поэтому вы в тринадцать лет и признались в гвоздях, хотя вас никто не ловил. Боялись, что я унюхаю враньё.

— А вы меня выпороли.

— И правильно. — Она усмехнулась уголками губ. — Что предлагаете? Камеру с волчьим камнем, пока не заговорит?

— Нет, — сказал я, и это «нет» вышло быстрее, чем я успел подумать.

Судья заметила. Глаза блеснули.

— Почему?

Потому что она не похожа на убийцу. Потому что она налила мне чаю. Потому что она не просила пощады, а просила соблюдать процедуру, и это было самое честное, что я слышал за полгода. Но говорить такое в суде нельзя.

— Потому что если посадить единственного алхимика, способного разобрать яд, следующего оборотня мы не заметим, — сказал я. — Умрёт, и всё. Без следа.

Судья кивнула. Думала о том же.

— Что скажете, госпожа Вейс?

Та поднялась. Очки не надела, смотрела на судью чуть набок, как смотрят, когда слушают внимательнее оттого, что не видят.

— Я не травила этих людей, ваша честь, и не знаю, кто это сделал. Но я знаю формулу. Если сыск позволит мне работать, я пойму, кто мог её повторить.

— Позволит, — сказал я.

— Помолчите, господин Гаррет. С вами потом.

Судья взяла ещё понюшку и посмотрела на неё так, как смотрят на сомнительный вексель.

— Вы понимаете, что ваш отец сидит на солеварнях именно за это? За яд без запаха. Судовладелец Ордин Велл, дело шестилетней давности. Вы были на процессе.

— Я помню, ваша честь.

Я тоже помнил.

Шесть лет назад я был замом главы сыска и давал показания в этом самом пакгаузе. Ансельм Вейс на скамье, высокий, как дочь, только седой, с руками в старых ожогах. Твердил «я виновен», а от скамьи тянуло кислым, как от прокисшего пива. Я учуял это за три фразы до приговора. Кто-то в зале врал, и врал нагло. Но дело было громкое, повышение светило, и я сказал себе: старик признался, формула его, чего ещё копать. Закрыл. Получил значок главы.

С тех пор этот запах иногда мне снился.

— Гаррет, — позвала судья. — Вы меня слышите?

— Слышу, ваша честь.

— Я говорю: древняя клятва поручительства. Помните?

Помнил. Закон старше Хартии: поручитель отвечает за поручённого головой и званием. Нарушит поручённый условия, поручитель делит с ним приговор. Буквально, до виселицы включительно. В порту о нём помнили все, хотя лет двадцать им никого не вязали.

— Помню.

— Госпожа Вейс?

— Знаю. Отец рассказывал.

— Тогда слушайте. — Судья встала. Маленькая, а смотрела на нас сверху вниз. — Я не отправлю единственного алхимика в камеру и не отпущу просто так. Агата Вейс остаётся на свободе, пока помогает следствию. Сбежит, солжёт следствию или откажется работать, ответит поручитель.

Она обвела зал взглядом.

— Осталось найти поручителя.

— Я готов, — сказал Корх.

Он шагнул вперёд, плавно, как танцор.

— Ваша честь, я знаю Агату много лет. Был другом семьи, вёл дело её отца. Прошу принять мою кандидатуру.

Госпожа Вейс открыла рот и закрыла.

Я смотрел на Корха. На безупречный пробор, на платок без единой складки, на улыбку, тёплую и заботливую, как у доктора у постели больного.

— Поручитель отвечает головой, — напомнила судья. — Вы понимаете, советник?

— Именно поэтому и предлагаю себя. — Он повернулся к ней. — Гата, я не позволю, чтобы ты осталась с чужим человеком. Господин Гаррет достойный офицер, но он тебя не знает. А я знаю.

— Я не…

— Тихо, — сказал я.

Оба посмотрели на меня. Корх с лёгким удивлением, госпожа Вейс с чем-то, чего я не смог прочесть.

Я шагнул к столу и встал рядом с Корхом плечом к плечу. Он был мне по плечо.

— Поручителем буду я.

— Господин Гаррет, я не хотел вас задеть…

— А ты и не задел. — Я улыбнулся во весь рот. — Просто я её привёл, я за неё и отвечу. У нас в порту так: кто поймал, тот и держит. А ты человек занятой, у тебя совет, бумажки. Куда тебе ещё за поручённой бегать?

— Я найду время.

— Да? И на пирс, к телам, поедешь? И в архив, пыль глотать?

Корх чуть сузил глаза. На миг. Улыбка осталась на месте, но потеплела градусов на пять, не больше.

— Вы сомневаетесь в моей готовности?

— Я сомневаюсь, что ты знаешь, с какого конца браться за труп. А я знаю. Ваша честь, я принимаю клятву.

Судья смотрела на нас так, будто мы два дворовых пса, сцепившихся из-за кости. В углу Тейн раскрыл тетрадку и что-то быстро записал. Я заметил, как он подчеркнул строчку двумя жирными чертами.

— Советник Корх, — сказала судья. — Ваше предложение оценено. Но поручитель один, и господин Гаррет ведёт дело. Клятва ляжет на него.

Корх поклонился плавно, как на приёме у губернатора.

— Как угодно суду. Но я оставляю за собой право помогать госпоже Вейс в частном порядке. Как друг.

— Ваше право. Пристав, соль.

Пристав вынес деревянную плошку с крупной серой солью, неровной, с вкраплениями чёрного перца и крошки лавра. Соль для клятв брали с нижнего слоя, со дна чана, где она пропитывается рассолом до каменной твёрдости. Говорят, такая помнит море лучше любой другой.

Судья бросила щепоть на стол, потом вторую, крест-накрест. Крупинки разлетелись по тёмному дереву, как дробь.

— Подойдите оба.

Я шагнул к столу. Госпожа Вейс встала рядом, плечо в ладони от моего. От неё пахло сушёной ромашкой, старыми книгами и тревогой. Тревога пахнет солью, как портовый ветер.

— Левые руки над солью. Повторяйте. Я, имярек, принимаю поручительство…

— Я, Бран Гаррет, принимаю поручительство.

— Я, Агата Вейс, принимаю поручительство.

— …и клянусь солью, что не нарушу условий. Нарушу, пусть соль выест мне глаза, а поручитель разделит мою участь.

Мы повторили. Голос у неё не дрогнул. У меня тоже.

Судья бросила соли поверх наших рук. Крупинки застряли в волосках на моём запястье, легли на её браслет, в складки рукава.

— Соль приняла. Опускайте.

Госпожа Вейс тут же отступила на шаг. Корх у окна переступил с ноги на ногу, и это было единственное, что выдало его досаду.

— Условия, — продолжила судья, садясь. — Поручитель вправе находиться при поручённой в любое время суток. Поручённая не покидает Нижний Арвен без разрешения и обязана выкладывать следствию всё, что знает. Любое нарушение, и поручитель идёт под суд. Ясно?

— Ясно, — сказал я.

— Ясно, — сказала госпожа Вейс.

— Теперь браслет. Пристав, снимите.

— Я сам.

Она подняла на меня глаза, тёмно-серые, без очков растерянные. Я взял её запястье. Она не вздрогнула. Ключ вошёл в замок, щёлкнул, и цепочка раскрылась.

Кожа под ней припухла, по кругу шла красная полоса, а у самого замка серебро за ночь стёрло ссадину. Госпожа Вейс провела по ней большим пальцем, потом достала очки и надела. Цепочка качнулась.

— Благодарю.

Я отдал браслет приставу и повернулся к Корху.

— Ну что, советник, поможешь следствию? Расскажи, что знаешь о формуле Вейсов.

— Я адвокат, а не алхимик. Знаю только то, что было в деле шестилетней давности.

— А чего в деле не было?

Он улыбнулся открыто и располагающе.

— Если что-то вспомню, непременно сообщу.

— Ты уж сообщи. Люди мрут, пока твоя память просыпается.

Улыбка не сползла. Только кончик большого пальца медленно потёр дубовый лист на печатке, как стирают пятно.

— Заседание окончено, — объявила судья. — Господин Гаррет, задержитесь. Остальные свободны.

Корх поклонился судье, потом госпоже Вейс.

— Я зайду, когда ты устроишься на новом месте. Нам есть что обсудить.

— Как вам будет угодно, советник, — ответила она, глядя в стену позади него.

Он вышел.

— Госпожа Вейс, подождите снаружи, — сказал я. — Тейн проводит.

Она пошла к двери. Тейн двинулся следом, но у порога обернулся. На лице у него крупно читалось: «Ты во что вляпался на этот раз, Бран?»

Я развёл руками.

Судья подождала, пока дверь закроется, и сунула в нос понюшку.

— Садитесь.

Я сел на скамью для задержанных. Дерево ещё хранило след чужого тепла.

— Вы понимаете, что делаете?

— Понимаю.

— Врёте. — Она ткнула в меня пальцем. — Вы никогда не понимаете, что делаете. Потому и живы.

— Потому вы и дали мне поручительство?

— Я дала, потому что вы единственный альфа в городе, который не считает законом то, что сам сказал на прошлой неделе. И потому что девушка не виновата.

Я поднял глаза.

— Уверены?

— Я полвека сужу людей, Гаррет. Видела виноватых с лицами святых и невинных с рожами убийц. Эта не убийца. Что-то скрывает, но другое.

— Что?

— Не знаю. Вытряхнете.

— Я не собираюсь ничего вытряхивать. Сама расскажет.

— Вы всегда были идеалистом. Даже когда воровали гвозди.

— Я их одалживал.

— У склада. Ночью. Без спросу.

— Собирался вернуть.

Она покачала головой.

— Идите. И берегите голову. Пригодится.

— На что?

— Думать. Иногда полезно.

Я дошёл до двери и остановился.

— Ваша честь. Что вы знаете о Корхе?

— То же, что все. Молодой, честолюбивый, метит в портовую знать. Сын обедневшего судейского.

— От него нет запаха. Вообще.

Судья помолчала.

— Амулет. У советников бывают.

— Я так и подумал.

— Но вам не нравится.

— Не нравится, когда люди не пахнут. Это неправильно.

— Вы оборотень. Вам многое не нравится. Идите.

В коридоре Тейн стоял у стены и перебирал костяшки, а госпожа Вейс сидела напротив на скамье, прямая, с руками на коленях. Я подошёл к Тейну и глянул через плечо. Он как раз дописывал что-то в клеёнчатой тетрадке. Я увидел только столбцы: волчьи имена, серебро, даты. Тейн успел её захлопнуть, будто крышку подпола.

— Это что за ведомость? Половина стаи в ней по именам.

— Расходы.

— Вот уж не знал, что у нас такие расходы. Кто-то кому-то должен?

— Пока нет. — Тейн убрал тетрадь во внутренний карман жилета. — Но к первому числу, возможно, будет.

— Это что, спор?

— Статистика, — сказал он с достоинством. — Не твоя забота, Бран. Подробности после закрытия.

Я прищурился. Тейн смотрел поверх моего плеча на потолок с видом человека, у которого совесть чиста, как манжеты. Я решил выяснить позже.

Госпожа Вейс поднялась со скамьи.

— Всё?

— Почти. Едем на Рыбный пирс. Тело Орви Стока там, стая не даёт его убрать, пока алхимик не посмотрит. Ярош Корень уже на месте, и он на взводе.

— Если не приедем через час, причал разнесут, — добавил Тейн, смахнув счёты в карман.

Госпожа Вейс взялась за цепочку очков, привычный жест, который я уже начал узнавать.

— Едем сейчас.

Мы вышли в коридор, и она пристроилась рядом, шаг в шаг, хоть и на полголовы ниже. Пахло сыростью, старым деревом и табаком из зала. Овчиной от южной стены.

— Ну что, госпожа аптекарша? Начинаем работать?

— Начинаем, господин Гаррет.

— Море всё на берег выносит, — сказал я.

Так говорят докеры, когда топят в воде что-то нехорошее, а оно через неделю лежит на отмели. Правда не тонет. Я сам это говорил себе шесть лет, и каждый раз выходило хуже.

— Я выросла в порту, — сказала она.

Мы вышли на крыльцо. Дождь припустил, Таможенная площадь превратилась в озеро с булыжным дном. Я поднял воротник и шагнул к пролётке, когда из-за угла вылетел мальчишка.

Босой, в мокрой рубахе, прилипшей к рёбрам. Бежал, видно, от самого Восточного пирса. Остановился, упёр руки в колени. От него несло рыбой, солью и кровью.

— Господин Гаррет! Там… на Рыбном пирсе… — Он сглотнул. — Стая вынула ножи. Ярош сказал: через полчаса сыска нет, они идут в человеческий квартал. Режут всех, кто попадётся с сургучом Совета.

Я выругался сквозь зубы. Тейн уже вынырнул из-за спины, собранный и злой.

— Тело? — спросил я.

— Орви на досках. Вокруг сорок человек. Кто-то уже подпалил смолу.

Госпожа Вейс стояла на крыльце, и капли стекали по её очкам. Она не вытирала их.

— Пролётка, — сказала она. — Если лошадь не загнать, успеем за двадцать минут.

Я схватил её за локоть и потащил вниз по ступеням.

— Загоним, — сказал я.

Глава 3. Седьмой шаг

Дождь не утих, а перешёл в ту самую морось, которая лезет за воротник и в рукава, сколько ни поднимай плечи. Я сидела в пролётке между Браном и Тейном, сложив руки на коленях, и смотрела, как Таможенная площадь уползает назад мокрым зеркалом. Колёса подбрасывало на булыжнике, из-под копыт летели брызги, и каждый толчок отдавался в пояснице.

Бран молчал. Тейн молчал тоже, но по-другому: тот перебирал в кармане жилета какую-то мелочь, и я слышала тихий перестук, будто камешки катаются в жестяной банке. От Брана пахло мокрой кожей, табаком «Чёрный якорь» и теплом, как от печи, которую долго топили и потом залили водой.

— Долго ехать? — спросила я.

— Минут двадцать, — ответил Бран. — Если лошадь не устанет.

— Лошадь устанет раньше, чем вы.

Он хмыкнул.

— Это комплимент, госпожа аптекарша?

— Это наблюдение, господин Гаррет.

Тейн перестал перебирать мелочь. Я почувствовала его взгляд сбоку, короткий, как у человека, который привык всё считать, даже чужие реплики.

За окнами проплывали кварталы. Сначала каменные дома с закрытыми ставнями, потом лавки с вымокшими вывесками, потом склады, от которых тянуло прогорклым жиром и пенькой. Чем ближе к порту, тем сильнее пахло рыбой. Этот запах я знала с детства: ледяная чешуя на рассвете, соль, впитавшаяся в доски причалов, и сладковатая гниль, которая застревает в горле.

Я сжала пальцы. Лайковые перчатки скрипнули. Я не снимала их с самого суда, и кожа внутри стала влажной.

На Рыбном пирсе нас встретили ещё до того, как пролётка остановилась. Я увидела их через мутное стекло: тёмные фигуры вдоль оцепления, факелы, от которых по лужам бежали рваные отсветы. Волки стаи стояли плотной стеной, и от них пахло мокрой шерстью и напряжением — тем, что поднимается изнутри, как пар над кипящим котлом.

Бран выпрыгнул первым. Подождал, пока я выйду, и встал так, чтобы закрыть меня от толпы. Я оценила это. Не как заботу, а как расчёт: если стая решит рвать, первой должна попасть не я, а он.

— Стойте за мной, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я и не собиралась выходить вперёд.

— Вот и славно.

Мы пошли к пирсу. Тейн держался слева, на полшага сзади. Он больше не перебирал мелочь. Его руки были свободны, и это почему-то пугало больше, чем ножи в руках у стаи.

Оцепление было из старых канатов, натянутых между чугунными тумбами. За ними, у самой воды, лежало тело. Его накрыли куском парусины, но ветер задрал край, и я увидела босую ступню с посиневшими пальцами. Рядом горели два фонаря. Пламя металось, и тени от тела плясали по мокрым доскам.

— Господин Гаррет! — раздался злой голос.

Из толпы вышел парень. Худой, жилистый, с тёмными взъерошенными волосами. На правой скуле у него краснела свежая царапина. Глаза жёлто-карие, как у всех оборотней, когда они на грани оборота. Пушок над губой, острый кадык. Я узнала его по описанию: Ярош Корень, двоюродный брат убитого.

— Ты привёз её, — сказал он, и это прозвучало как обвинение.

— Привёз, — согласился Бран. — Она осмотрит тело.

— Она из Вейсов.

— Она алхимик. Единственная, кто может прочесть яд.

Ярош сплюнул на доски.

— Шкура гладкая. Ей нельзя верить.

Бран улыбнулся. Это была та самая улыбка, о которой я уже начинала догадываться: широкая, почти весёлая, и от неё у меня заломило в висках, как от резкого света.

— Ярош, — сказал он негромко. — Ты знаешь, что бывает, когда я улыбаюсь.

Парень дёрнул подбородком, но отступил на шаг.

— Полчаса, — бросил он. — Потом мы сами.

— Потом ты сам пойдёшь в патруль до конца месяца, — сказал Бран. — А теперь отойди и не мешай госпоже Вейс работать.

Я прошла вперёд. Канаты были мокрые и скользкие, пришлось придержать их рукой. Перчатка сразу промокла. За оцеплением пахло иначе: тина, соль, кровь и что-то ещё. Что-то, от чего у меня сжались пальцы, прежде чем я успела понять.

Пустота.

Над телом не пахло ничем. Совсем. Даже мокрые доски и рыбья слизь отступили, будто кто-то вынул из воздуха все запахи разом. Я остановилась и сняла очки. Мир размылся, но это не помогло: пустоту не разглядеть.

— Вы тоже чуете? — спросила я Брана.

Он стоял рядом. Его лицо стало серьёзным.

— Да. Там, где лежит Орви, нос глохнет. Как в камере с волчьим камнем.

— Это яд. Он глушит запахи.

— Знаю. Поэтому мы и не смогли взять след.

Я снова надела очки. Подошла к телу. Парусина была жёсткой, пропитанной солью, и я откинула её до пояса.

Орви Сток лежал на спине, раскинув руки. Рослый, мускулистый. Тёмная щетина на щеках, мокрые волосы, прилипшие ко лбу. На правом предплечье — татуировка-якорь, синяя, с размытым канатом. Глаза открыты, и в них застыло то же выражение, какое я видела у людей, умерших во сне: не испуг, а удивление.

Я присела на корточки. Достала из внутреннего кармана фартука книжечку в чёрной клеёнчатой обложке и огрызок карандаша. Записала: «Орви Сток. Зрачки расширены. Пены нет. Окоченение слабое.»

— Когда его нашли? — спросила я.

— Сегодня утром, — ответил Бран. — Ярош пришёл звать на смену и нашёл здесь, у причальной будки.

— Значит, умер ночью.

Я потянулась к лицу покойного. Пальцы в перчатке коснулись кожи — холодной, как остывший воск. Я провела по шее, нащупала лимфатические узлы. Припухшие. Оттянула нижнее веко: сосуды полопались, белок в красных точках.

— Яд вошёл через рот или через кожу? — спросил Бран.

— Через лёгкие. Смотрите на вены. Они не спались. И этот запах пустоты — он держится над телом, а не исходит из него. Значит, яд испарялся.

— Испарялся?

— Да. Он попал в воздух, а потом в дыхание. Поэтому следов на губах нет.

Я записала в книжечку: «Путь — дыхание. Яд летуч, без запаха.» Потом потянулась к его карманам.

Пальцы нащупали что-то твёрдое. Я вытащила сложенный вчетверо лист бумаги. Развернула. Это было уведомление с печатью Совета: синий сургуч с оттиском дубового листа. Вода размыла чернила, но строки ещё читались.

«О пересмотре портовой аренды. Участок Восточный, причал третий. В связи с…»

Дальше слова расплылись. Я поднесла лист к фонарю. Бумага пахла солью, дождём и пустотой — той же, что стояла над телом.

— Господин Гаррет, — позвала я. — У него в кармане уведомление о пересмотре аренды.

Он подошёл ближе. Наклонился, и его плечо задело моё. Я не отодвинулась.

— Дайте сюда.

Я отдала лист. Он повертел его, понюхал. Лицо его не изменилось, но я увидела, как напряглись желваки.

— И что это значит? — спросила я.

— Потом. Сначала тело.

Я вернулась к работе. Сняла перчатки — они были уже безнадёжно мокрые — и натянула свежую пару. Тонкая лайка легла на пальцы. Тейн протянул мне плоский футляр из тёмной кожи.

— Ваш инструмент, госпожа Вейс. Сыск захватил с собой походный алхимический набор.

Я взяла футляр. Открыла. Внутри, в прорезях бархата, лежали пинцет, стеклянная пластинка, два пузырька с реактивами и вощёная бумага. Старый отцовский набор — я узнала потёртость на уголке футляра и выжженный вензель «А.В.». Отец собрал его, когда получил лицензию, и всегда брал с собой на выезды. Я провела пальцем по вензелю и захлопнула крышку.

— Благодарю.

— Что вы делаете? — спросил Бран.

— Снимаю осадок с губ. Если яд испарялся, часть его осела на слизистой.

— Вы всегда носите с собой пинцет?

— Только когда меня обвиняют в отравлении.

Он хмыкнул. Я услышала, как сзади зашевелилась стая. Кто-то зарычал. Низко, глухо, как прибой под досками пирса. Я не обернулась. Если бы я показала страх, они бы рванули.

Я провела пинцетом по губам покойного. На стекле остался едва заметный серый налёт. Капнула реактив. Налёт вспенился, посинел и тут же опал до прозрачности.

— Есть, — прошептала я.

— Что? — спросил Бран.

— След яда. Совсем мало, но есть.

Я осторожно приложила горловину пузырька к ноздре покойного и надавила. Внутри зашипело — активированный уголь втягивал в себя летучие частицы. Я закрыла горловину пробкой и поднесла пузырёк к фонарю.

— Видите? — я показала осадок на дне. — Это то, что осталось в дыхательных путях.

— И что это?

— Пока не знаю. Но это не чистый яд. Это смесь.

Я записала в книжечку: «Осадок: серый налёт, реакция синяя, быстрая. Похоже на соль из чанов с примесью растительного стабилизатора.»

Потом я поднялась. Ноги затекли. Я пошатнулась, и Бран поймал меня под локоть. Его ладонь была горячей, как печная заслонка.

— Осторожнее, госпожа аптекарша.

— Благодарю, господин Гаррет.

Я высвободила руку. Не резко, но достаточно, чтобы он понял: мне не нужна помощь.

— Что с его руками? — спросил Бран.

Я посмотрела. На ладонях Орви были ссадины, будто он падал и цеплялся за доски.

— Он был ещё жив, когда яд начал действовать. Пытался ползти.

— Куда?

Я огляделась. Вокруг тела, на мокрых досках, виднелись тёмные полосы. Не кровь — что-то другое. Я присела и потрогала. Пальцы стали липкими.

— Это не его. Это смола. Он полз к воде.

Бран посмотрел на пирс, на тёмную воду, на лодки у причала.

— Хотел уйти вплавь. Или добраться до лодки.

Мы помолчали. Дождь шуршал по парусине. Стая снова зашевелилась. Я слышала, как кто-то спросил шёпотом: «Чего она копается?» И ответ: «Пусть копается. Потом мы её…»

Я не дослушала. Приподняла руку покойного. Под ногтями — короткими, с чёрной каймой — застряла крошечная щепка. Я достала её пинцетом и положила на вощёную бумагу.

— Сосна, пропитанная смолой. Он цеплялся за пирс.

Я выпрямилась. Сняла перчатки. Пальцы замёрзли, но я не подала виду. Достала из кармана кусочек засахаренного имбиря, завёрнутый в вощёную бумагу, и положила в рот. Сначала — сладость, густая, обволакивающая, а следом — жгучий перец, мамина добавка. Она всегда говорила: «Сладкое — для языка, острое — для сердца». Я сглотнула. На секунду стало теплее.

— Ну что? — спросил Бран.

— Рецепт изменён, — сказала я. — Но узнаваем.

— Что это значит?

Я помолчала. Потом ответила, тщательно подбирая слова:

— Это формула моего отца. Но не его рука. Кто-то добавил к ней шаг, которого не было в оригинале.

— Какой шаг?

Я сняла очки и протёрла их рукавом. На стёклах остались разводы. Я снова надела их и посмотрела на Брана.

— Стабилизатор на имбирном корне. Он делает яд полностью без запаха.

Бран замер. Я видела, как он втянул воздух, будто хотел учуять ложь. Но я не лгала. Я просто не сказала, чья это поправка.

— И кто мог его добавить? — спросил он.

— Тот, кто знал формулу.

— И кто её знал?

Вот оно. Я почувствовала, как к щекам приливает жар. Не краснею, только не сейчас. Я сжала зубы и заставила себя дышать ровно.

— Семья, — сказала я. — И возможно, кто-то ещё. Нужно проверить в лаборатории.

Это была правда. И это была не вся правда. В лаборатории, наедине с реактивами, я могла бы понять, чья рука вела седьмой шаг. Но я и так знала, чья. Моя. И знала, кому отдала формулу.

Бран смотрел на меня долго. Потом кивнул.

— Продолжим в лаборатории. Здесь слишком много ушей.

Он повернулся к стае.

— Слушайте все! — крикнул он. — Госпожа Вейс осмотрела тело. Она подтверждает: это яд без запаха. Мы ищем того, кто его варит. И мы его найдём. Но пока вы будете резать город, он будет сидеть в тепле и смеяться. Вам это надо?

Толпа загудела. Ярош выступил вперёд.

— А может, это она и варит! — крикнул он. — Вейсы всегда были ядоделами!

— Вейсы были аптекарями, — сказала я. — И если вы дадите мне работать, я докажу, кто из нас прав.

Ярош оскалился.

— Ты, шкура гладкая, ещё заговоришь.

— Ярош! — рявкнул Бран. — Закрой пасть.

— Или что?

— Или я закрою тебе её сам.

Они стояли друг напротив друга, и между ними было не больше трёх шагов. Я видела, как напряглись плечи Брана, как он опустил подбородок, и волосы упали на лоб. Ярош был ниже и худее, но в нём была та злая гибкость, какая бывает у молодых волков, ещё не знающих своих пределов.

— Ярош, — негромко сказал Тейн. — Ты помнишь, что было в прошлый раз, когда ты спорил с альфой?

Парень дёрнулся.

— Я не спорю. Я требую.

— Ты требуешь, — повторил Бран. — А я отвечаю головой за эту женщину. По клятве поручительства. Если она виновна, я умру вместе с ней. Тебе этого мало?

Ярош переступил с ноги на ногу. В толпе кто-то зашептался. Я услышала слово «клятва». Оно подействовало лучше, чем кулак.

— Ладно, — выдавил Ярош. — Но если она сбежит…

— Она не сбежит, — сказал Бран. — Она дала слово суду.

— Слово — это не соль.

— Соль приняла, — сказал Бран. — А теперь отойди.

Ярош отступил. Медленно, как пёс, которого отогнали от кости. Но глаза его всё ещё горели.

Я отвернулась. Подошла к краю пирса и встала лицом к воде. Дождь бил по плечам. Внизу, у свай, плескалась чёрная вода, и от неё тянуло холодом, который шёл не снаружи, а изнутри.

— Госпожа Вейс.

Я обернулась. Бран стоял в двух шагах.

— Что вы нашли? — спросил он тихо.

— Я уже сказала.

— Не всё.

Я молчала. Он ждал.

— В яде есть добавка, — сказала я наконец. — Имбирный стабилизатор. В оригинальной формуле отца его не было. Это всё, что я могу сказать сейчас.

— Почему?

— Потому что если я назову имя сейчас, это будет только моё слово. А вам нужно доказательство.

Бран помолчал. Потом усмехнулся.

— Вы не перестаёте меня удивлять, госпожа аптекарша.

— Это плохо?

— Это неудобно. Вы мне пирс заморозите.

Я невольно фыркнула.

— Это несколько неудобно. Согласна.

Он засмеялся. Громко, раскатисто, и стая за его спиной вздрогнула. Я не поняла, отчего: от смеха или от того, что альфа смеётся над кем-то, кто ещё недавно стоял у тела.

В этот момент с другой стороны оцепления раздался женский голос.

— Агатушка! Ты живая?

Я обернулась. К пирсу, раздвигая волков, шла Иса Брам. Невысокая, пышная, в юбке в цветочек, с корзиной под мышкой. Кудри выбились из-под косынки, щёки раскраснелись от ветра. В свободной руке она держала скалку — буковую, с выжженным по ручке якорем. Мужнину скалку. Йонас выточил её на судне, когда они только поженились, и с тех пор Иса не пекла ничем другим.

— Иса, — сказала я. — Зачем вы пришли?

— А ты думала, я тебя одну к волкам отпущу? — Она подошла и встала рядом, бесстрашно оглядев стаю. — Я им сказала: тронете мою Агатушку — я вам скалкой по башке.

Бран посмотрел на неё с интересом.

— А вы, значит, та самая травница?

— А ты — тот самый волчище, который мою подругу в наручниках таскал?

— Я, — сказал Бран.

— Ну и рожа у тебя, — сказала Иса. — Как у человека, который неделю не спал.

— Это комплимент? — спросил Бран.

— Это наблюдение.

Я не удержалась и улыбнулась. Иса это заметила.

— Ты что, улыбаешься? — удивилась она. — Значит, всё не так плохо.

— Всё плохо, — сказала я. — Но я жива.

— И то хлеб. — Иса сунула мне корзину. — Вот, принесла пирожки. Горячие. С капустой и рыбой. Ешь, а то ты со вчерашнего дня ничего не ела.

Я взяла корзину. От неё пахло тестом, маслом и рыбой — так по-домашнему, что у меня защипало в носу.

— Спасибо.

— Не за что. — Иса повернулась к Брану. — А ты, волчище, если хоть раз её обидишь, я тебе не только скалкой.

— А чем ещё? — спросил Бран с улыбкой.

— У меня есть настойка на перце. Очень жгучая. — Она похлопала по карману юбки. — Попробуешь — неделю сидеть не сможешь.

Тейн, стоявший рядом, вдруг кашлянул.

— Это, пожалуй, излишне.

Иса посмотрела на него. Увидела серый жилет, нарукавники, аккуратные манжеты. Потом перевела взгляд на его лицо, и на секунду её брови приподнялись.

— А ты кто такой?

— Тейн Ольх, — сказал он. — Бета Ночного сыска.

— Бета? — Она оглядела его с ног до головы. — Ты больше на счетовода похож.

— Я и есть счетовод. В некотором роде.

— Ну, счетовод, — Иса вдруг смутилась, поправила косынку. — Тогда держи пирожок. Ты тоже бледный.

Она вытащила из корзины пирожок и протянула ему. Тейн посмотрел на него так, будто ему дали живую рыбу.

— Благодарю. Но я не голоден.

— А я не спрашивала. Ешь.

Он взял. Осторожно, двумя пальцами, как берут хрупкую вещь. Иса фыркнула.

— Не развалится. Это тесто, а не глина.

Тейн откусил. Прожевал. Потом кивнул.

— Хорошо.

— То-то же.

Я перевела дух. Напряжение на пирсе немного спало. Даже стая притихла, разглядывая эту странную женщину со скалкой, которая кормила бету сыска пирожками.

Бран повернулся к оцеплению и махнул рукой двоим сыскным в штатском, которые держались у тумб.

— Март, Олле, — крикнул он. — Тело — в ледник сыска. Ярош, проследи, чтобы твои люди разошлись. У пирса оставить пост до утра.

Ярош дёрнул плечом, но спорить не стал. Волки за оцеплением начали расходиться — медленно, нехотя, как отступающий прилив.

— А теперь едем, — сказал Бран. — Вам нужно согреться.

— У меня нет дома, — сказала я. — Моя лавка опечатана.

— Я знаю. Поехали ко мне.

Я посмотрела на него.

— Вы приглашаете меня в дом над доками?

— Да. Там есть лаборатория. И печь. И чай.

— Чай, — повторила я. — Звучит почти как угроза.

— Это обещание.

Иса, услышав это, подошла и взяла меня под руку.

— Я с вами.

— Иса…

— Нет. Я тебя одну с ним не оставлю. У него взгляд, как у кота, который уже решил, где будет спать.

Бран засмеялся.

— Я не кот, госпожа травница.

— А кто?

— Волк.

— Тем более.

Я сдалась. В конце концов, с Исой было спокойнее. Она умела говорить то, о чём я молчала, и делать вид, что не боится.

— Хорошо. Поехали.

Тейн коротко кивнул сыскным, дождался, пока они с Ярошем двинутся к телу, и только потом повернулся к Исе.

— Госпожа Брам?

— Просто Иса.

— Иса, — повторил он, и это слово прозвучало у него неуверенно. — Не хотите ли вы поехать с нами? В пролётке тесно, но мы поместимся.

Иса посмотрела на него, потом на меня.

— Ладно. Поеду. Но только ради Агатушки.

— Ради Агатушки, — повторил Тейн, и я заметила, как он поправил манжету, хотя она была идеально чистой.

Мы пошли к пролётке. Дождь не унимался. Я обернулась на пирс. Тело Орви Стока всё ещё лежало на досках, накрытое парусиной, но теперь вокруг него были только сыскные. Волки уходили.

— Не оборачивайся, — тихо сказала Иса.

— Почему?

— Потому что они это запомнят. А тебе ещё с ними жить.

Я не обернулась.

Мы сели в пролётку. Бран устроился напротив, Иса рядом со мной, Тейн — у окна. Колёса застучали по булыжнику. Внутри пахло мокрой шерстью, пирожками и табаком.

Бран помолчал, глядя в окно, потом перевёл взгляд на меня.

— Пока вы там работали, — сказал он негромко, — я хотел показать вам кое-что. Но сначала ответьте: вы заметили уведомление у Орви?

— Да. О пересмотре аренды. С печатью Совета.

— Такие же письма были у двух других жертв. У Ярла Окри и Лиссы Март. У каждого в кармане.

Я замерла.

— И вы молчали?

— Я не молчал. Я проверял.

— И что выяснили?

Бран посмотрел на меня в упор.

— Все трое держали аренду в порту. И все трое получили это уведомление за неделю до смерти. Подпись на всех трёх — советник Корх.

В пролётке стало тихо. Только дождь стучал по крыше, и где-то под сиденьем поскрипывала старая рессора. Я почувствовала, как имбирь во рту потерял сладость и остался только перец — злой, жгучий, мамин.

Я достала из кармана книжечку. Пальцы дрожали, но я заставила их писать ровно.

«У всех жертв — уведомления о пересмотре аренды. Подпись: советник Корх.»

Потом закрыла книжечку и сунула её обратно. Руки были холодные, но я не стала их греть. Пусть мёрзнут. Так легче не думать о том, что я сама отдала формулу человеку, который теперь, возможно, убивает.

— Госпожа Вейс, — позвал Бран.

Я подняла голову.

— Что?

— Вы дрожите.

— Это от дождя.

— Это от страха.

Я не ответила. Он снял куртку и протянул мне.

— Наденьте.

— Не нужно.

— Это не для вас. Это для меня. Если вы заболеете, я не смогу вас допросить.

Я взяла куртку. Она была тяжёлая, пахла табаком, кожей и печным теплом. Я накинула её на плечи и нащупала на борту латунную пуговицу — меньше остальных, с другой гравировкой. Чужая пуговица. Тейн пришил. Я провела по ней пальцем и почему-то успокоилась.

Иса посмотрела на нас и тихо хмыкнула.

— Ну вот. Уже и куртку отдал. А говорил, что не кот.

Бран улыбнулся.

— Я не кот, госпожа травница. Я волк. А волки своих не бросают.

— Своих? — переспросила я.

— Поручённых, — поправился он.

Я отвернулась к окну. Вода стекала по стеклу, и город за ним был мутным. Я закрыла глаза. Под веками стоял пирс, тело Орви Стока и седьмой шаг — моя поправка, мой имбирь, моя работа, которую я отдала в чужие руки.

Об этой поправке знали трое. Я. Отец. И Северин Корх.

Я открыла глаза. Дождь всё стучал по крыше пролётки. Я смотрела на мокрые улицы и молчала. Почти спокойно.

Глава 4. Цветы от советника

Ледник стоял под зданием Ночного сыска, как погреб под сараем: спускаешься по каменным ступеням, и каждая следующая холоднее предыдущей.

Тейн шёл впереди с фонарём и считал вслух:

— Четырнадцать. Пятнадцать. Здесь скользко, госпожа Вейс, держитесь за стену. Шестнадцать.

Я держалась. Стена была мокрая и пахла ржавым железом.

Внизу он поднял фонарь повыше. Длинный свод, побелённый известью. Под потолком ряд кованых крюков для туш, на каждом иней, как шерсть. В углу бочки с рассолом. У правой стены стол из цельных досок, такой, что на нём можно было разделывать быка, а можно было расставить весы. Справа жаровня, слева бадья с водой, над ней медный рукомойник.

— Печь топили вчера, — сказал Тейн. — Если угодно, растопим сильнее. Список недостающего я составил. — Он вынул из жилета листок. — Двадцать две позиции. Одиннадцать уже доставлены.

На столе стоял бархатный футляр с вензелем «А.В.». Мой, отцовский. Рядом, ровно в ряд, мои склянки, которые волки вынесли из лавки: притёртые пробки, мои бумажные этикетки. Кто-то разложил их по алфавиту. Я посмотрела на Тейна.

— Ваша работа?

— Я не знаю вашего порядка, — сказал он. — Алфавит — единственный, который не оскорбляет никого.

— Он не оскорбляет, — согласилась я. — Но я переставлю.

— Разумеется.

Он поклонился, оставил фонарь и ушёл. Я слышала, как он считает ступени наверх. Семнадцать, как выяснилось.

Я надела перчатки. Тонкая лайка села по руке, как вторая кожа. Потом посчитала крюки под потолком. Девять. Склянки переставила: кислоты слева, щёлочи справа, настои в середине, сверху то, что боится света. Ряд из семи банок тысячелистника, привезённых из лавки, поставила на нижнюю полку. Семь. Хорошее число. Оно держит.

Потом достала образец осадка с пирса, серый налёт с губ Орви Стока, запечатанный в пробирку, и принялась за работу.

Яд разбирался легко, и это было хуже всего. Каждый шаг я узнавала, как почерк. Основа отцовская: паслён, белый корень, вытяжка из морской травы, которую отец называл «солёной тишиной». Потом мои четыре года ученичества в страже. Потом седьмой шаг, имбирный стабилизатор, мой, девятнадцатилетний, гордый. Я смотрела на синюю реакцию в пробирке и думала: красиво сделано. И от этой мысли хотелось вымыть руки, хотя перчатки были на мне.

Но в осадке было ещё кое-что. Лишняя нота, которой в формуле не было. Мелкие серые крупинки, которые не растворялись ни в воде, ни в спирте. Я растёрла одну между пальцами в перчатке, поднесла к фонарю. Потом капнула кислоты. Крупинка вспенилась и пошла тёмной нитью.

— Глухоцвет, — сказала я вслух.

Серый глухоцвет. Трава, которая растёт на солёных болотах за городом и глушит запах: ничего не меняет, просто накрывает, как ватой. Его используют при перевозке свежей рыбы и для обоняния больных, у которых нюх мучает. Я знала его с детства. Мама сушила его пучками и клала в ящики с чаем, чтобы чай не пах соседними.

В моей формуле глухоцвета не было. Седьмой шаг делал яд беззапашным сам по себе. Кто-то добавил глухоцвет сверху, как второй замок на дверь, которая и так заперта.

Против волков.

Я достала книжечку.

«Глухоцвет в осадке. Не мой. Добавлен позже. Зачем второй замок, если ключ один? Значит, его не доверяют седьмому шагу. Или не мне. Или боятся именно носа».

Глухоцвет продавался по лицензии совета. Это я знала твёрдо: четыре года в страже, и ни одного пуда без печати. Реестр держала Ферда Лун.

Я не хотела идти к Ферде Лун.

Я посидела с этой мыслью, как сидят с больным зубом. Потом сняла перчатки, убрала пробирку в футляр, повязала платок и поднялась наверх. Семнадцать ступеней.

Бран сидел в дежурной комнате сыска, ногами на соседнем стуле, и ел варёный картофель из горшка, макая его в соль.

— Куда это вы, госпожа аптекарша?

— В стражу. Мне нужен реестр лицензий.

— Я бы послал Тейна.

— Реестр не выдадут Тейну. — Я поправила платок. — Выдадут мне, но, боюсь, не сразу.

Он отложил картофелину.

— Вот как. Бывшая начальница?

— Вы читали дело.

— Я его не читал. Я его закрыл. — Он улыбнулся, широко, с зубами, и я отметила, что улыбка у него вышла чуть шире положенного. — Дайте, пойду с вами. Постою у двери. Для красоты.

— Благодарю, нет.

— Вы под клятвой, госпожа Вейс.

— Я под клятвой не ходить за пределы города. Улица Стражи — в пределах города.

Он хмыкнул и взялся за картофель.

— Тейн вас отвезёт. И ждёт у крыльца.

Я хотела возразить, но он уже не смотрел на меня. Он смотрел в горшок, и в этом было что-то странное. Будто думал о другом.

Стража помещалась в сером здании с узкими окнами и гербом над дверью: весы и щит. Я не была здесь шесть лет. Лестница пахла мастикой и лампадным маслом. Дежурный, молодой, с прыщом у носа, спросил, к кому. Я сказала. Он посмотрел на мою фамилию в книге визитов, потом на меня, потом снова в книгу.

— Присядьте, — сказал он. — Я сообщу.

Я не присела. Я стояла и считала плитки в полу. Шестьдесят четыре до окна.

Ферда Лун вышла сама. Высокая, костлявая, в тёмно-зелёной куртке, лупа на шнурке, стальные волосы ёжиком. На правой кисти тот же старый ожог, белый, лоснящийся. Он у неё появился на моих глазах, когда мне было двадцать. Она тогда не вскрикнула. Только сказала: «Вейс, подайте нейтрализатор».

— Вейс, — сказала она.

— Госпожа Лун. Добрый день.

— Не добрый. Проходите.

Её кабинет не изменился. Те же шкафы с реестрами, тот же запах сургуча и уксуса, та же чернильница в виде совы, которую она ненавидела и никогда не меняла: подарок. Она села за стол и не предложила сесть мне. Я села сама.

— Вы пришли по делу оборотней, — сказала она.

— Да.

— Я слышала, вас взял на поруки Гаррет. — Она сняла лупу с шеи и положила на стол. — Не думала, что доживу.

— Я тоже, — сказала я.

Она хмыкнула. Почти не заметила, что хмыкнула.

— Чего вы хотите?

— В яде, которым отравили троих, есть серый глухоцвет. Не из моей формулы. Мне нужны выдачи за последние два года по лицензиям совета. Кому, сколько, когда.

— Вы просите реестр.

— Я прошу вас.

Она смотрела на меня долго. Зеленоватые глаза, холодные, внимательные. Так она смотрела на реакцию, которая шла не так.

— Вы меня подвели, Вейс, — сказала она.

— Я знаю.

— Нет, не знаете. Я вам доверила второй ключ от запасника. Я вам готовила место заместителя. Вы были лучше всех, кого я учила. И в день, когда вашего отца осудили, вы пришли и положили мне на стол лицензию, как будто это бумажка из лавки. И ушли.

— Вы меня уволили, госпожа Лун.

— Я приняла вашу отставку.

— Вы написали «по несоответствию».

Она замолчала. Потом вдруг встала, повернулась спиной, достала с полки толстую книгу в зелёном переплёте и бросила на стол.

— Реестр глухоцвета. Смотрите здесь. Не выносите. Записи делайте при мне.

Я открыла. Колонки, столбики, мелкий её почерк. Год за годом: «аптека Бурдэ, три фунта», «лавка Лерна, два», «Городская лечебница, пуд». Пальцем я шла по датам и считала. Нормальный расход на город за год: около восьми пудов. Дальше я увидела то, чего не ожидала.

— Здесь пятнадцать, — сказала я.

— Двадцать один за последний год, — ответила Ферда. — Я пересчитывала.

— Откуда рост?

— Оттуда. — Она ткнула пальцем в нижнюю строку. «Порт. Склады Восточного пирса. Лицензия совета №412». — Порт стал брать впятеро больше, чем нужно для рыбы. На рыбу идёт щепотка, Вейс. Вы это знаете. А они берут мешками.

— Кто подписал лицензию?

— Совет. Подпись общая. Конкретного человека не назову, потому что не знаю. Совет голосует списком.

— Но кто-то вносит список.

— Кто-то вносит, — сказала Ферда. — Я полгода пишу запросы, мне отвечают, что мои запросы «излишне подозрительны». Мне пятьдесят четыре года, Вейс. Меня давно так не называли. — Она сухо усмехнулась и снова села. — Вы пришли за тем же, за чем пришла бы я. Вам нужен смотритель. Он ведёт склады.

— Кто?

— Пальм. Годрик Пальм. Жулик, контрабандист, прикормленный. Все знают. Никто не берёт.

Я записала: «Порт. Склады Восточного пирса. Лицензия №412. Смотритель: Пальм». Подчеркнула. Рука не дрожала. Хотя ложь про имбирь, про седьмой шаг, про то, кому я отдала, стояла в горле комком, и этот комок я пока не могла проглотить.

— Госпожа Лун, — сказала я. — Позвольте один вопрос.

— Попробуйте.

— Вы шесть лет считали меня виноватой?

Она посмотрела на меня. Потом на реестр.

— Я считала, что вы что-то знаете, — сказала она. — И не говорите. Это не одно и то же.

Я закрыла книгу. Встала. Поблагодарила её. Она не ответила. Только когда я уже взялась за ручку двери, сказала в спину:

— Имбирь у вас всё ещё в кармане?

Я обернулась. Она смотрела не на меня, а в окно.

— Да, — сказала я.

— Хорошо, — сказала Ферда Лун. — Пусть будет.

На крыльце Тейн стоял с зонтом и ровно ничего не делал. Он был из тех людей, которые умеют стоять так, что на них смотришь и не видишь. Я отдала ему платок и заметила, что глаза у меня сухие. Хорошо.

В пролётке я перелистала записи. Тейн молчал минут десять. Потом сказал:

— Склады Восточного пирса — это Пальм. Я проверял вчера. Но он не единственный, кому там открывали двери. Склад номер девять, который он занимает, оформлен на подставную контору. Контора называется «Северный причал».

Он сказал это спокойно, как называют цену на рыбу. Я подняла глаза.

— Чья контора?

— Я не знаю, — сказал Тейн. — Пока.

Он поправил манжету. На ней не было пятна.

Бран ждал нас в дверях сыска. Он стоял, привалившись плечом к косяку, с короткой трубкой, не раскуренной, и я поняла, что он давно не сидел спокойно.

— Ну? — сказал он.

— Порт, — сказала я. — Пальм. Контрабанда глухоцвета на склад номер девять.

— Пальм, — повторил Бран. Что-то в его лице стало мягче и опаснее одновременно. — Давно хотел с ним поговорить.

— Позвольте уточнить, господин Гаррет. Я не говорила, что Пальм виновен. Я сказала, что он возит глухоцвет.

— Это почти одно и то же.

— Это совершенно разное.

— Ага. — Он выбил трубку о косяк. — Тейн, возьми двоих, посиди у склада. Только сидеть. Если дёрнется, не трогай. Я хочу, чтобы он привёл нас дальше.

— Понял, — сказал Тейн.

Я поднялась в лабораторию. Работы было много, и я хотела её.

К вечеру на столе стояли три пробирки с разными разбавлениями. Я взвешивала глухоцвет на отцовских весах. Латунные чашки, колпак из стекла. Отец купил их за три месяца до моего рождения: «потому что у ребёнка должен быть дом, где всё взвешено». Мама смеялась: «Ты бы и ребёнка взвесил». Он говорил: «Взвесил бы. Пять фунтов с четвертью, самое то».

Я потёрла переносицу. Очки, на цепочке, лежали на столе. Я их сняла часа два назад, не помню зачем. Мир размылся, и стало легче. Размытый ледник был теплее.

Наверху хлопнула дверь. Потом чьи-то шаги, лёгкие, неторопливые. Не Тейн: Тейн ступал, как будто боялся спугнуть половицы. Не Бран: тот шёл, как падает шкаф.

— Агата.

Я надела очки. Он стоял на последней ступени, с букетом в руке.

Белые астры. Тугие, прохладные, с капельками дождя на лепестках. И сам он, как с плаката о Хартии: пшеничные волосы, голубые глаза, сюртук цвета мокрого асфальта, белый платок, перстень с дубовым листом. Узкое лицо, открытое, ясное. Всё то же. Шесть лет, а он ни на день не постарел, только стал ещё лучше выглядеть.

— Северин, — сказала я.

— Как ты тут? — Он обвёл взглядом свод, иней на крюках, склянки. — Господи. Тебя поселили в леднике.

— В лаборатории.

— В леднике, Агата. Милая. — Он подошёл, положил цветы на край стола, подальше от реактивов, и я отметила эту аккуратность. Он всегда был аккуратным. — Я только что из совета. Не мог не прийти. Ты как?

— Хорошо, благодарю.

— Ты неважно выглядишь.

— Это свет.

— Это не свет. — Он взял мою руку. Я успела надеть перчатку, и он держал её через лайку, бережно, как держат больную птицу. — Я хотел сказать тебе, что я на твоей стороне. Что бы ни говорили. Что бы ни вынесло следствие. Помнишь, как я защищал твоего отца?

Я помнила.

В леднике пахло железом, рассолом, остывшей золой. Лилиями пахли только астры на столе: от них шёл тонкий, чистый, слегка сладкий дух. А от самого Северина не пахло ничем. Совсем. Как от вымытой тарелки.

Я не волк, мне нечем было понять, что это значит. Я только отметила пустоту, как отмечают тишину.

— Помню, — сказала я. — Вы очень старались.

— Опять на «вы», — сказал он с мягкой укоризной. — Мы же были помолвлены.

— Были.

— Я не отказывался от этого. Это ты отказалась. Я понимаю. Тогда было больно. — Он отпустил мою руку и отвернулся к столу. — Скажи мне, что сказал Гаррет? Я слышал, он тебя допрашивал. Я не хотел, чтобы ты была одна. Я предлагал себя в поручители, ты знаешь. Он отказал.

— Судья отказала.

— Судья, — сказал он тоном, каким говорят про погоду. — Он её уговорил. У него это ловко выходит. Ты ему доверяешь?

— Мне нечего доверять, господин Корх. Я под клятвой.

— Агата. — Он повернулся. Голубые глаза были тёплые. — Скажи правду. Он тебя обижает?

За дверью, наверху, кто-то громко поставил кружку. Потом ещё раз. Потом долго, нарочито громко хлебнул, и в ледник, как в трубу, спустился этот звук: бульк, долгое глотание, выдох довольного человека, которому спешить некуда. Бран пил чай прямо над лестницей. Я знала, что он там. Конечно, он там.

— Нет, — сказала я. — Господин Гаррет ведёт себя безупречно.

Северин поднял бровь.

— Безупречно, — повторил он. — Про Гаррета. Ты меня удивляешь.

— Я стараюсь быть справедливой.

— Ты всегда была. Это в тебе моё любимое.

Он смотрел на меня тем взглядом, которым смотрят на вещь, не решаясь сказать, что она твоя. Я вдруг поняла, что мне душно. Лабораторный холод, а душно.

Я решилась. Лучше сейчас. Сказать быстро, пока есть сила.

— Северин. Мне нужно спросить вас об одной вещи.

— Конечно.

— Шесть лет назад. Формула. Вы тогда сказали, что она ушла.

Он не шевельнулся. Только ресницы, длинные, светлые, чуть дрогнули.

— Ушла, — сказал он.

— Кому?

Тишина длилась ровно столько, сколько нужно было, чтобы не показалось, что он думает. И чтобы показалось, что ему больно.

— Агата, — сказал он тихо. — Я не хотел тебе этого говорить. Я думал, ты не должна. Тебе и так досталось.

— Позвольте уточнить. Это значит, что вы знаете.

— Я знаю. Я выяснял. Всё это время. Я не мог оставить это так. — Он взял астры, повертел, положил обратно. — Была одна портовая фигура. Смотритель складов на Восточном пирсе. Годрик Пальм. Он тогда уже подрабатывал посредником, продавал всякое. Формулы в том числе. Мне сказали, что именно он вышел на рынок с твоей. Не твоим именем. Но по описанию... Я думаю, он получил её у кого-то из лавки. Возможно, у подмастерья.

— У подмастерья.

— Или у кого-то из стражи. Я пока не знаю. Но Пальм. Это я знаю точно.

Я смотрела на него. Мне нужно было, чтобы он договорил, и я молчала. Он вздохнул, коснулся пальцем уголка глаза.

— Прости, что я так поздно. Я пробовал выйти на него сам, но он осторожен. Теперь у тебя есть сыск. Пусть они берут.

— Благодарю.

— Не надо благодарить. — Он вдруг шагнул ближе, голос стал совсем тихим. — Я делаю это не за благодарность. Просто я хочу, чтобы ты была в безопасности.

Тепло его рукава у моего плеча. Красивая рука с перстнем: дубовый лист, который я видела вчера на уведомлении в кармане мёртвого. Ну и что. Печатка совета. У всех советников.

— Мне нужно работать, — сказала я.

— Конечно. — Он отступил. — Не буду мешать. Если что-нибудь понадобится, любая бумага, любой допуск, любая рекомендация, ты знаешь, где я.

— Знаю.

— Астры твои любимые.

— Да, — сказала я. И, как ни странно, не покраснела. Я любила астры. Просто они мне не нравились. Это разные вещи.

Он ушёл. Шаги по лестнице, лёгкие, ровные. Наверху ему что-то сказали, и он ответил вежливо и спокойно, и дверь закрылась.

Я осталась у стола. Букет лежал белый, как ледяная шапка.

Он назвал мне Пальма. Это было правдоподобно. Пальм — жулик, контрабандист, Ферда Лун назвала то же имя. Всё сходилось. Сходилось слишком аккуратно, и я почувствовала это в зубах: как ноет, когда рядом что-то неправильно.

— Это не он, — сказал первый голос.

— Это он, — сказал второй. — Ферда Лун подтвердила. Тейн подтвердил. Северин.

— Северин не подтверждал. Он рассказывал.

— Он помогает.

— Он помогает слишком вовремя.

Я стиснула пальцы. Потом достала жестянку, мамину, с выцветшей надписью «Пастилки Луизы Ферн, Верхний Арвен», и положила в рот кусочек имбиря. Сладкое для языка, острое для сердца. Так она говорила.

Сверху опять громыхнула кружка. Я подняла голову.

— Господин Гаррет! — сказала я в потолок. — Вы можете спускаться. Я одна.

Пауза.

— Я не подслушивал, — донеслось сверху.

— Разумеется.

— Я чай пил.

— Три минуты кряду.

— Горячий был.

Я позволила себе улыбнуться. Одним уголком, в пустом леднике, где никто не видел.

Он спустился. Встал на последней ступеньке, чуть сутулясь, огромный, в рубахе навыпуск, с кружкой в кулаке. Втянул носом воздух и скривился.

— Лилии, — сказал он. — Терпеть не могу.

— Это астры.

— Астры, — буркнул он. — Ну да. — Он помолчал. — Странно, госпожа аптекарша. Я рядом с ним стоял на суде и не чуял ничего. И сейчас он тут стоял, а в носу пусто. Только цветы.

— Вы сами сказали на суде: амулет.

— Сказал, — согласился он. — Ну да.

Он смотрел на астры. Потом на меня.

— Что он вам сказал?

— Что формула ушла через Пальма.

— Через Пальма. — Бран кивнул. — А вы?

— Я поблагодарила.

— Это я слышал.

— Тогда вы знаете, что я сказала правду.

Он ничего не ответил. Только поставил кружку на стол, рядом с цветами, и вдруг взял один астровый лепесток, оторвавшийся и упавший на доски, повертел в толстых пальцах.

— Не мои цветы, — сказал он. — Но красивые.

— Это не мои тоже.

Это вышло само. Я прикусила язык, но было поздно. Бран поднял бровь.

— Не ваши?

— Я сказала лишнее.

— Вы сказали, что это не ваши любимые.

— Я сказала, что не мои.

— А зачем тогда «твои любимые»?

— Вы слышали.

— Я чай пил, — повторил он, и улыбнулся так широко, что стало видно щель между зубами слева. — А уши, госпожа аптекарша, у меня казённые, их не выключишь.

Я отвернулась к столу и взялась за пробирки. Пальцы были тёплые. Странно: минуту назад холодные.

— Вам пора, — сказала я. — Мне надо работать.

— Пора, — согласился он. — Ужин будет в девять. Придёте, если не засидитесь. Если засидитесь, Тейн принесёт.

— Благодарю.

— Не за что. Это по службе. — Он взялся за перила. — Госпожа Вейс.

— Да?

— Если он ещё придёт, — сказал Бран, и голос у него изменился, стал ровным, без смеха, — скажите мне до того, как он войдёт. Не после.

— Это просьба?

— Это инструкция.

— Приму к сведению, господин Гаррет.

— Примите, — сказал он и поднялся наверх.

Я сидела над весами до глубокой ночи. Ужин принёс Тейн: тушёная капуста, хлеб, кружка морса. Он поставил поднос на край стола, постоял и сказал:

— Госпожа Вейс. Вы часто забываете есть.

— Откуда вы знаете?

— Я считаю. — Он поправил жилет. — Простите. Привычка.

— Благодарю вас, господин Ольх.

Он ушёл. Я съела капусту, не ощущая вкуса, и вернулась к пробиркам.

К полуночи я нашла пропорцию: на фунт основы яда приходилось двадцать два грана глухоцвета. Грамотная, точная, почти красивая дозировка. Так работает человек, который знает, зачем ему добавка. Не жулик с мешком травы. Кто-то, кто понимает химию.

В книжечке я записала: «Пальм не алхимик». Поставила жирную точку.

Сверху ничего не слышалось. Здание сыска ложилось спать: скрипнула лестница, потом замолчала. Я посмотрела на свод, на иней, на стеклянные ряды, на астры, увядающие в тепле жаровни. Подумала про Пальма, про Северина, про то, что сказала Ферда: «Вы что-то знаете и не говорите». Подумала, что не расскажу. Пока не смогу. Во рту стоял имбирь, и я жевала его, пока он совсем не потерял вкус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.